

Владимир Гиляровский

А. И. Южин

Часть сборника
Москва и москвичи (сборник)

Москва и москвичи // Эксмо, М., 2008

ISBN: 978-5-699-11515-0

FB2: "shum29" <au.shum@gmail.com>, 16.11.2008, version 1.0

UUID: 5f1c6e21-0525-102c-99a2-0288a49f2f10

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Алексеевич Гиляровский

А. И. Южин

(Люди театра)

«Дача Бренко находилась в Петровском-Разумовском, у Соломенной сторожки. Тогда еще даже конки туда не было. Прекрасная дача, двухэтажная, богато обставленная. По субботам всегда гости: свои артисты, профессора, сотрудники журнала «Русская мысль», присяжные поверенные – товарищи Левенсона...»

Владимир Гиляровский

А. И. Южин

Дача Бренко находилась в Петровском-Раздумовском, у Соломенной сторожки. Тогда еще даже конки туда не было. Прекрасная дача, двухэтажная, богато обставленная. По субботам всегда гости: свои артисты, профессора, сотрудники журнала «Русская мысль», присяжные поверенные – товарищи Левенсона.

Между чаем и ужином – карт в этом доме не было – читали, Василий Николаевич Андреев-Бурлак рассказывал, М. Н. Климентова, недавно начавшая выступать на сцене и только что вышедшая замуж за С. А. Муромцева, пела. Однажды, не успели сесть за ужин, как вошли постоянные гости этих суббот: архитектор М. Н. Чичагов – строитель Пушкинского театра и общий друг артистов, П. А. Маурин – нотариус и театрал. Их встретили приветствиями и поднятыми бокалами, а они в ответ, оба в один голос:

– Бедного Пукирева паралич разбил!

– Полное одиночество и ни копейки в доме.

– Хорошо, что сюда приехали. Сейчас что-нибудь сделаем, – первой отозвалась Бренко.

– Да куда же, кроме вас, Анна Алексеевна.

Художник В. В. Пукирев только что вошел в славу. Его картина, имевшая огромный успех на выставке, облетела все иллюстрированные журналы. Ее, еще не законченную, видел в мастерской П. М. Третьяков, пришел в восторг и тут же, «на корню», по его обычному выражению, купил для своей галереи. И сейчас эта картина там: «Неравный брак». Старый звездоносец-чинуша, высохший, как мумия, в орденах и ленте, и рядом юная невеста, и

*...Священник старый
Кольца уж меняет
У неравной пары.*

Церковь богато освещена. Среди разодетой публики, в стороне, скрестив руки на груди, – любимая поза красавца В. В. Пукирева, – безнадежно смотрит на венчание высокий, стройный молодой человек. Чиновник-родитель выдавал за старую мумию, своего начальника, единственную дочь – невесту, и художник дал в картине свой автопортрет. Это знала Москва.

На слова Бренко первым молча откликнулся редактор «Русской мысли» В. М. Лавров, вы-

нув из кармана и положив на стол три «катерины» – три радужные сторублевки.

Сюртуки начали расстегиваться, зашуршали кредитки...

Встал редактор «Будильника», изящный Н. П. Кичеев.

– Должен вас предупредить, что из этого может ничего не выйти. Пукирев горд до щепетильности, он скорее умрет с голоду, чем согласится принять деньги и помощь по подписке.

Со сверкающими глазами поднялся широкоплечий, стройный Южин.

– Я глубоко понимаю вашего друга, – обратился он к Кичееву, – и предложил бы иной путь помощи: сделаем литературный вечер в его пользу. Это будет признательность публики любимому художнику, а собранную здесь сумму присоединим к сбору.

А. И. Южину устроили оvation. Я под шумок вышел в соседнюю комнату – кабинет Анны Алексеевны, где мы обыкновенно составляли с ней афиши, – сел за знакомый стол, и, когда окончил стихотворение «Неравный брак», ужин продолжался и обсуждалась

программа вечера. Моего отсутствия, конечно, никто не заметил.

– Прошу минуту внимания, Александр Иванович так меня увлек своей идеей вечера, что я написал стихи «Неравный брак», посвящаю их Пукиреву и прошу разрешения прочесть.

Прочитав, при аплодисментах, я их передал Южину.

– Дорогой Александр Иванович, я прошу вас не отказать прочесть их на вечере.

Южин сорвался со стула, обнял меня, у обоих у нас были слезы на глазах. Это было мое первое знакомство с ним. Программа была тут же составлена – артисты были налицо.

Через несколько дней я получил программу на веленовой бумаге и приглашенный почетный билет от богача И. А. Коцелена, создателя «Русской мысли». Концерт был частный, билеты были распределены между знакомыми, цензуры никакой. Я ликовал. Еще бы, я, начинающий поэт, еще так недавно беспаспортный бродяга, и вдруг напечатано: «Стихотворение В. А. Гиляровского – прочтет А. И. Южин».

Жил я в это время на Тверской, в хороших меблированных комнатах «Англия», в доме Шаблыкина, рядом с Английским клубом, занимая довольно большой перегородженный номер. У меня в это время пребывал спившийся с кругу, бесквартирный поэт Андреев, печатавший недурные стихи в журналах под псевдонимом Рамзай-Соколий.

Тайну этого псевдонима знал один я. Андреев был сын управляющего имением пензенского помещика Соловцова, державшего богатую псовую охоту. Лучшими собаками были два кобеля: густопсовый Рамзай, бравший волка в одиночку, и хортый англичанин Соколий, от которого ни один заяц не уходил.

Молодой Андреев стал участвовать в попойках с Соловцовым и за пьянство был исключен из гимназии.

После смерти отца Андреев поссорился с Соловцовым, ушел в Москву, попал хористом в общедоступный театр, познакомился с редакциями, стал изредка печататься, потом от пьянства потерял голос и обратился в хитрованца. В это-то время я его и приютил. В честь любимых им соловцовских собак и взял он

свой псевдоним.

В день концерта, назначенного в девять часов, я с утра ушел на работу и прямо попал на большой пожар у Рогожской, продолжавшийся весь день, а оттуда поехал в редакцию, где наскоро написал отчет, торопясь домой, чтобы переодеться для концерта.

Меня, еще пахнувшего дымом и непросохшего, встретили самые сердечные объятия и пьяные лобзания Васи Григорьева и Сережи Евстигнеева.

Друзья еще утром ввалились ко мне, проездом из Вологды в Тамбов. В Вологде лопнула антреприза Савина: они были без копейки в кармане, так что и за извозчика с вокзала заплатил коридорный Спирька, знавший Григорьева, останавливавшегося у меня ранее.

На круглом столе, без скатерти и тарелок, лежали калачи, булки, огурцы и нарезанная колбаса, стояли уже приходившая к концу четвертная бутылка водки и рюмки.

Рамзай-Соколий и Спирька никак не могли подняться с дивана. Пока я сбрасывал с себя сырое пальто, Спирька, шатаясь, подошел мне помогать, но я ни на что не обращал вни-

мания, всем помышлением находясь на концерте, где А. И. Южин должен был читать мои стихи.

– Спирька, живо мне умыться, да приготовь черную пару! Почисти сюртук!

– Фю-ить! – свистнул он, указывая на пьяный стол. – Вот он, сюртук-то!

Выяснилось, что, когда приехали неожиданные гости, Рамзай-Соколий заложил за четыре рубля мой парадный сюртук. Спирька сбежал за водкой, и все четверо к моему приезду были уже на втором взводе. Все старались утешить меня, когда я потерял последнюю надежду, узнав, что ссудная касса закрывается в семь часов вечера... Вася, который был трезвее других, играл на гитаре и пел свою любимую студенческую песню:

*Стою один я пред избушкой,
Кругом все тихо и темно,
И с этой бедною лачужкой
Так много дум сопряжено.*

Потом многие из бывших на концерте при встречах спрашивали, почему меня не было:

– А мы вызывали, вызывали вас, автора!

Южин очень жалел, что меня не было.

– Мне пришлось выйти за вас и сказать публике, что автор стихотворения на пожаре у Рогожской, и это было встречено шумным приветствием. А сообщил об этом гласный думы Шамин, который два часа назад ехал мимо и видел вас рядом с брандмайором Потехиным: «Оба в саже, оба мокрые!»

С этих дней и началась наша до самой кончины незабвенного Александра Ивановича Южина ничем не разу ни омраченная дружба.

Почти полвека постоянных летучих московских встреч, стремительных в кипении столичной жизни, между людьми соприкасающихся профессий. Самыми простыми и душевными были те, где за стаканами кахетинского пели грузинские застольные песни.

Александр Иванович был председателем Грузинского общества. Вечера в пользу учащихся, устраиваемые этим обществом, отличались такой простотой и красотой экзотики, с очаровательной лезгинкой, что самая разнообразная публика столицы битком набивала Колонный зал теперешнего Дома союзов, и половина ее не могла сдержаться, чтобы не

хлопать в ладоши в такт лезгинки.

Приглашенных гостей встречали при входе в зал члены общества и председатель Александр Иванович.

Вечер, посвященный Акакию Церетели. Группа студентов при входе в зал подносит букет из роз своему товарищу, студентке, переводчице поэта, и два депутата, в красных черкесках, провожают ее до кресла.

Самого Акакия Церетели Грузинское общество чествовало, справляя его юбилей в Большом зале Литературно-художественного кружка, председателем которого тоже был Александр Иванович.

Ужин после заседания носил кавказский характер, с неизбежным «Мраволжамирир». Этой грузинской застольной песнью, чередовавшейся с чтением актерами стихов Акакия Церетели в русском переводе и с речами, чествовали старика-поэта до утра.